

Отец Андрей Колесников

ЧЕГО ХОМЯЧКИ ХОТЕЛИ, ДЕТЯМ СТАЛО ИЗВЕСТНО,
КОГДА ХОМЯЧКИ СБЕЖАЛИ

ТЕМА ХОМЯЧКОВ — важная в жизни моих детей. И не важно, сколько Маше и Ване лет. Это уже давно продолжается. Гораздо важнее, сколько лет хомячкам. Маша с Ваней всегда очень хотели иметь хомячков. Они не понимали, кажется, какая это огромная, если не сказать судьбоносная ответственность. И когда в их руках, а вернее в их клетке впервые оказались хомячки, выяснилось, что дети не знают, что с ними делать. Прежде всего они их, конечно, начали мучить. То есть они постоянно брали их в руки, особенно Маша, давали побегать по рукам, плечам, потом вдруг испугавшись, стряхивали их с себя, как перхоть... А ведь это все-таки живые существа были. Чего при этом хотели сами хомячки, тем более непонятно. Ведь сами шли к детям в руки. Чего хомячки хотели, детям стало известно, когда хомячки сбежали. А я ведь их постоянно предупреждал, что хомячки могут сбежать. И вот то ли по недомыслию, то ли по недосмотру, то ли еще по какой-то причине на одну ночь крышка осталась приоткрытой, и выяснилось, что хомячки по-настоящему хотели только одного: свободы. Они выбрались из клетки. А за это время их расплодилось много, и мы даже отдавали их, старались, конечно, в хорошие руки. В тот раз их было трое, одного накануне вручили ответственному человеку. И вот трое исчезли. Мы очень долго не могли найти их, хотя искали отчаянно. В интернете даже нашлись пособия по поиску сбежавших хомячков. Но все, как говорится, было тщетно. Я в конце концов

рассказал Маше и Ване, что они просто обрели свободу и ушли с ней, и наверное, слава богу, и пусть дальше уж как-то сами. Немного позже дети посмотрели мультфильм, где фигурировал один хомячок, который так же вот вырвался, и на него все махнули рукой, потому что были уверены, что на свободе он не выживет, потому что совершенно был не приспособлен для нее. А он ведь выжил, и это был хэппи-энд фильма — валяющийся на спинке от бездумной и законной радости свободный хомячок. Увы, наш финал был совсем другим, очень страшным. Три хомячка, мать, отец и их дитя, тоже дитя в общем-то свободы, долго шарили в темноте и наконец нашли проход, наверное казавшийся им выходом. Это был отсоединенный от пылесоса шланг. Они забрались в него и отважно пошли к выходу, а шланг все сужался и сужался, а они все шли и шли, пока окончательно не застряли. Они и тогда, видимо, стали рваться еще больше, не могли уже даже развернуться, и пока мы их искали по всем углам, померли в шланге пылесоса. И я как-то уже даже рассказывал эту историю в этой колонке, хоть и вскользь. Но дело в том, что она имела и имеет продолжение. Мне пришлось купить Маше с Ваней еще двух хомячков, одного из которых они тоже не убергли. И тогда я им сказал: — Все, хватит баловаться хомячками! Не можете отвечать за их жизнь, ну тогда у вас больше не будет хомячков. И, видимо, я так твердо это сказал, что они даже не просили больше за себя. Зато Ваня попросил за Настю, добрую умную девочку, свою подружку и одноклассницу. Он

попросил сделать ей подарок на день рождения. Естественно, речь шла о хомячке. И естественно, я не устоял. Да что там, я, зная, как хрупка и коротка жизнь хомячков, сам привязался к ним, и, чего греха таить, застали меня дети как-то балующимся с одним таким хомячком, когда он еще был жив. И мы подарили Насте очередного хомячка. И он как-то приспособился к жизни в этой семье. Может, не мучили его там, что ли, хотя и вряд ли. Но вот жил себе и жил — в клетке, конечно. Но рос даже — пухленький стал, и шерстка у него была не такая, как у всех остальных наших: с какими-то сложными фигурками на спинке. И вдруг на прошлой неделе очередное тяжелое известие: помер. А мы с Машей и Ваней едем в машине смотреть кино «Мы купили зоопарк», болтаем о пустяках, и вроде все у нас хорошо. И вдруг Ваня говорит, что у Насти хомячок помер. — Да вы что, издеваетесь?! — говорю. — Ведь он же еще молодой был! Оказалось, та же самая история: крышку забыли закрыть вечером. И он даже выползти из клетки своей любимой и ненавистной не успел. Пока думал, что ему делать, кошка все это заметила и лапу в клетку засунула. — Она его хватала, папа, — рассказала Маша, — мне кажется, она просто играла с ним. Забавлялась. И просто замучила своей лапой. Даже следов от царапин не было. В общем, хомячок слишком близко к сердцу принял эти забавы. От ужаса, наверное, и умер. И все из-за этой клетки. Вернее, дверцы.